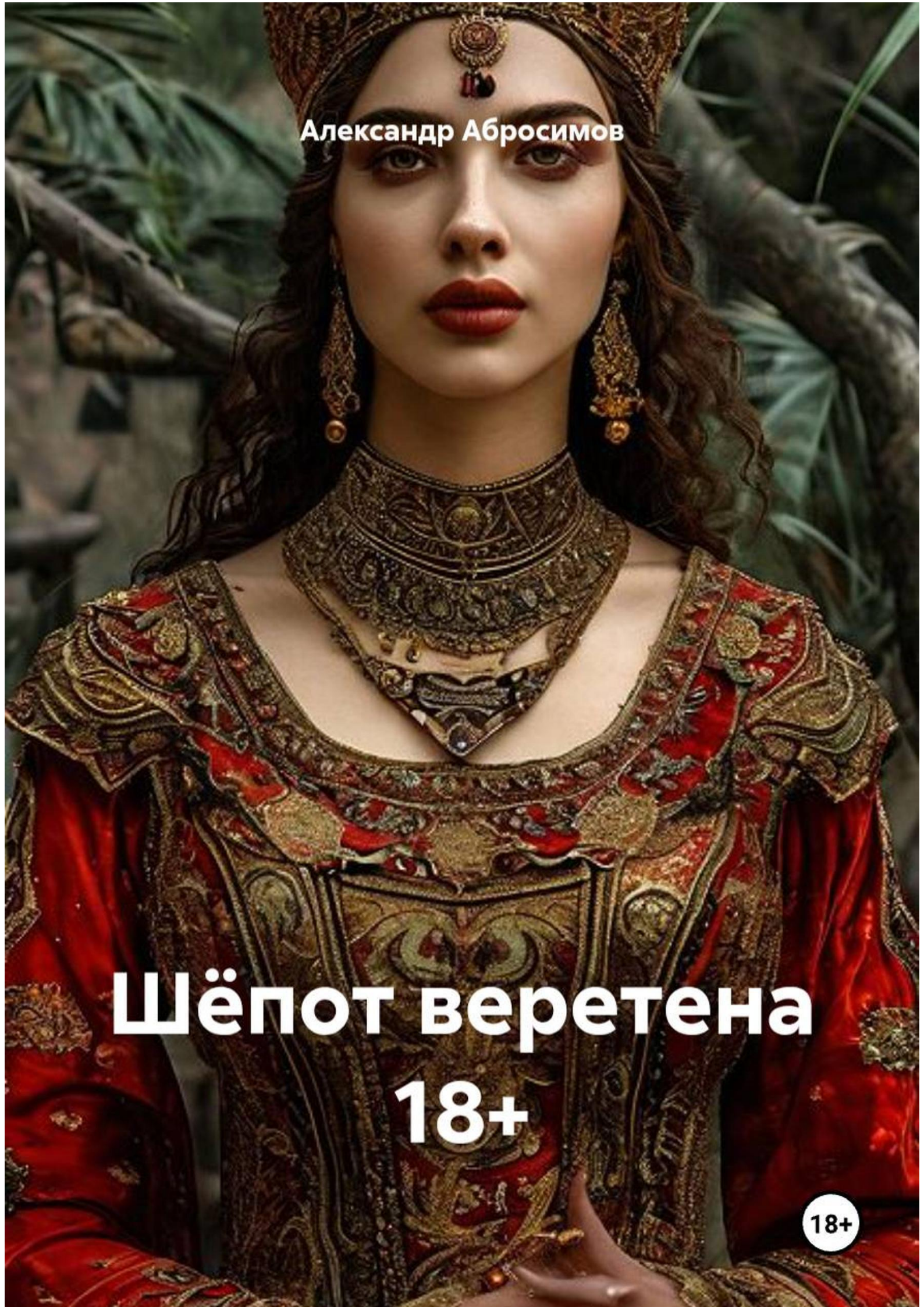

Александр Абросимов

Шёпот веретена

18+

18+

Александр Абросимов

Шёпот веретена 18+

«Автор»

2026

Абросимов А.

Шёпот веретена 18+ / А. Абросимов — «Автор», 2026

Она должна была стать разменной монетой. Золотая монета Византии, брошенная в жадные руки Османского Султана, чтобы купить мир. Но вместо брачного покоя Евдокия принесла в гарем Топкапы первобытный голод. Днём она — Хасеки Султан, женщина, ради которой Мехмед Завоеватель ослепил собственного визиря. Она греется в лучах его абсолютной власти и спит на подушках из шелка, пропахшего кровью врагов. Ночью — она принадлежит лесу. Древняя славянская магия течет в её венах, обещая ему победу над Константинополем... или вечное проклятие за связь с «неверной». Она дарит ему наслаждение, от которого плавится воля полководца, но шепчет при этом молитвы своим мертвым богам. Когда он приносит ей голову врага, она целует его окровавленные пальцы. Когда она рождает ему сына-полукровку, он строит для неё дворец выше Айя-Софии. Это одержимость. Любовь здесь измеряется не клятвами, а глубиной укусов на шее.*

© Абросимов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Золотая клетка и волчья ягода	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Абросимов

Шёпот веретена 18+

Пролог. Золотая клетка и волчья ягода

Константинополь пах кардамоном, страхом и гниющей роскошью.

Евдокия стояла в зале Тюрьмы для Невольниц, и парча платья казалась ей тяжелее цепей. Ей было семнадцать лет, и сегодня ночью она должна была стать восьмой луной в гареме Мехмеда Завоевателя человека, чье дыхание плавило камень стен Царьграда.

Её отец отдал её турку как залог мира. «Это честь, Диди», шептал он, пряча глаза.

Но Евдокия знала правду. Она не была даром. Она была отравленным кинжалом, завернутым в византийский шелк.

Вода в мраморном бассейне султанской бани была обжигающе холодной. Когда Евдокия вынырнула, откидывая мокрые волосы с лица, она увидела Его.

Мехмед сидел на краю бассейна. Огромный, смуглый, источающий первобытную угрозу. В свои двадцать два года он уже покориł полмира, но сейчас его темные глаза изучали её тело так же хладнокровно, как мясник изучает овцу.

Сними это, приказал он по-гречески. Голос был густым, как расплавленная медь.

Он указывал на золотой крестик между её грудей.

Пальцы Евдокии дрожали. Крест впился в кожу, прежде чем порваться. Звук лопнувшей цепи прозвучал в гулком зале как выстрел арбалета.

Мехмед поднялся одним текучим движением хищника. Он подошел к воде, возвышаясь над ней подобно статуе темного божества. От него пахло мускусом, кровью сражений и властью.

Ты дрожишь, констатировал он, опускаясь на одно колено у края воды. Но не от страха. Твоя ненависти горяча, маленькая львица. Она обжигает меня даже через воду.

Евдокия вскинула подбородок. Вода стекала по её ключицам каплями лунного света.

Ненависть держит меня живой, мой господин. Страх превращает принцесс в пыль под ногами завоевателей.

Его губы дрогнули в жестокой усмешке. Медленно, пугающе медленно, он наклонился ниже. Расстояние между их лицами сократилось до дыхания. Теплого, пахнущего гвоздикой.

Хороший ответ. Посмотрим, останется ли твой огонь гореть, когда я залью его маслом своего желания.

Рука в перстнях обвила её талию под водой, притягивая к каменному бортику. Контраст температур пронзил её разрядом тока ледяная вода купели и раскаленная мужская ладонь.

Сегодня ты будешь спать одна, выдохнул он ей в висок, касаясь губами мочки уха с такой нежностью, что колени Евдокии подогнулись. Я буду смотреть на тебя. Изучать твои грехи. А завтра... мы проверим, умеет ли христианская принцесса кусаться.

Отпустив её так же внезапно, как схватил, он развернулся и вышел в облаке пара, оставив её одну посреди золота, которое вдруг показалось холоднее льда.

Евдокия опустилась обратно в воду, прижимая руку к груди, где только что висел крест. Сердце билось пойманной птицей.

Она приехала сюда ненавидеть. Но глядя на закрытую дверь, за которой исчез Султан, она почувствовала нечто гораздо более опасное, чем гнев.

Жажду. Дикую, иррациональную тягу к зверю, который мог либо разорвать её на части, либо сделать равной себе богиней.

И глубоко внутри, там, куда не дотянулись руки евнухов, древняя славянская кровь няньки Февроньи отозвалась глухим рокотом:

«Вот оно, дитя. Настоящее оружие. Пусть сгорит мир».

Глава 1. Нефрит и Шёлк

Утро началось не с молитвы, а с боли.

Агла, главная калфа гарема, дергала волосы Евдокии так сильно, будто хотела вырвать скальп.

Выпрямись! Грудь вперед! Господин любит дерзких девственниц, но терпеть не может сутулых гусынь!

Евдокия молчала, пока старуха затягивала корсет из китового уса. Каждое движение причиняло страдания, но девушка лишь крепче сжимала зубы. Боль снаружи отвлекала от пожара внутри.

Когда Агла закончила, она толкнула девушку к огромному зеркалу из полированной бронзы.

Перед Евдокией стояла чужачка. Кожа выбелена свинцовыми белилами до мертвенной бледности контраст с черными, как вороново крыло, волосами, уложенными в сложную башню и украшенными шпильками с нефритом. Губы стали кровавыми от сока ягод. Глаза подведены сурьмой так, что казались двумя бездонными озерами скорби.

Идеально, прошипела Агла. Как кукла, которую приятно сломать.

Двери личных покоев Султана открылись беззвучно. Внутри царил полумрак, разгоняемый лишь светом сотен свечей. Воздух был густым от ароматов алоэ, жасмина и чего-то еще запаха самого Мехмеда. Дикого, животного.

Он стоял у окна, выходящего на Мраморное море. На нем были простые шаровары из черного шелка, перехваченные золотым поясом. Больше ничего. Бронзовая кожа блестела от масла. Каждый мускул спины говорил о смертельной опасности.

Подойди, бросил он, не оборачиваясь.

Евдокия шагнула на пушистый персидский ковер. Каблочки её туфель утопали в ворсе. Её сердце стучало набатом, но лицо оставалось маской высокомерия, унаследованной от императриц прошлого.

Ближе, повторил он тише.

Когда она оказалась прямо за его спиной, он резко обернулся.

Взгляд упал на её рот. Затем скользнул ниже, задержавшись на глубоком вырезе платья, едва прикрывавшего соски.

Они намазали тебя благовониями, чтобы скрыть запах твоего ужина? спросил он. Напрасно. Я хочу чувствовать вкус твоей паники.

Прежде чем Евдокия успела вдохнуть, он оказался рядом. Одним рывком Мехмед сгреб её в охапку, отрывая от пола. Шелк затрещал. Она ударилась спиной о колонну, инкрустированную лазуритом. Боль искрами вспыхнула перед глазами.

Разве вас в Византии учат стоять столбом? прорычал он ей в шею, втягивая запах кожи. Или ты ждешь, пока я прикажу тебя выпороть?

Его рука легла ей на горло. Не давя, просто обозначая власть. Пульс под пальцами бился отчаянно, быстро.

Скажи мне, принцесса, его голос стал бархатным, гипнотическим. Чего ты хочешь больше: плюнуть мне в лицо или почувствовать мои зубы на своей коже?

Евдокия зажмурилась. Логика отказывала. Остался только инстинкт. Рука, лежавшая у него на груди, сжалась в кулак, ногти впились в литые мышцы.

Я хочу... она открыла глаза, встречая его потемневший взгляд. ...чтобы ты перестал болтать и начал действовать.

Это было приглашение. Вызов. Искра, брошенная в пороховую бочку.

Губы Мехмеда обрушились на её рот. Это не был поцелуй любовника. Это было клеймение. Жестокий, властный, требующий подчинения. Его язык вторгся внутрь, исследуя, наказывая, заявляя права собственности.

Евдокия ответила. Сначала слабо, потом всё яростнее. Её ладони взлетели вверх, запутываясь в его влажных волосах, притягивая его голову ближе, заставляя этого гиганта рычать от нетерпения прямо ей в горло.

Он понес её к ложу, застеленному шкурами белых медведей, не разрывая поцелуя. Опрокинул на спину. Вес его тела придавил её к постели тяжелым, восхитительным грузом.

Одной рукой он задрал подол её платья до талии. Холодный воздух коснулся обнаженной кожи бедер.

Раздвинь ноги, прохрипел он, тяжело дыша. Покажи мне свою самую постыдную тайну.

Евдокия повиновалась. Всё смущение сгорело в огне их столкновения. Сейчас существовало только трение ткани о кожу, тяжесть мужского бедра между её ног и безумный ритм двух сердец, пытающихся пробить ребра друг друга.

Боишься? спросил он, нависая над ней, опираясь на локти. Его глаза были абсолютно черными. Зрачки проглотили радужку.

Только одного, выдохнула она. Что тебе станет скучно.

Он рассмеялся. Низкий, гортанный звук вибрации прошел сквозь его грудь прямо в её плоть.

Скучно? переспросил он, входя в неё резким, заполняющим движением.

Крик Евдокии сорвался сам собой короткий, болезненный, полный шокирующего наслаждения. Мир сузился до точки соприкосновения их тел. Он заполнил её всю, до предела, растягивая границы возможного.

Их первый раз был похож на битву. Никакой нежности первых свиданий. Только алчность собственника и отчаяние пленницы. Он вбивался в неё мощными, глубокими толчками, каждый из которых отдавался вспышкой белого света под веками. Она царапала его плечи, оставляя багровые полосы на бронзовой коже, встречая каждый удар таза своими бедрами.

Это длилось вечность и мгновение. Когда судорога оргазма выгнула её спину дугой, вымывая остатки гордости слезами, Мехмед последовал за ней секунду спустя, рухнув на неё всей массой горячего, тяжелого тела, содрагаясь в спазмах освобождения.

Они лежали в тишине, нарушаемой лишь треском свечей и их тяжелым дыханием. Лунный свет падал на переплетение их рук.

Мехмед скатился на бок, увлекая её за собой, так что голова Евдокии оказалась на его плече. Положил ладонь на её живот, чуть ниже пупка, защищающе и собственнически.

Ты солгала, тихо сказал он в макушку ей. Тебе совсем не было страшно.

Было, призналась она, водя пальцем по линии его скулы. За тебя. Я думала, твое сердце не выдержит такого гнева.

Он фыркнул, целуя её в лоб.

Мой гнев ничто по сравнению с твоим огнем, ведьма. Запомни: здесь нет места стыду. Здесь есть только моя постель. И если ты посмеешь закрыть от меня свое лицо снова...

Что будет? прошептала она, чувствуя, как сон начинает туманить разум.

Я привяжу тебя к этой кровати шелковыми лентами и буду любить до тех пор, пока имя Аллаха не начнет звучать как твоя молитва, пообещал он, и в его голосе не было шуток.

Евдокия улыбнулась во тьму. Война началась. И впервые за долгие месяцы она чувствовала себя победительницей.

Глава 2. Уроки анатомии

Утро в гареме началось с запаха розовой воды и крови.

Евдокия открыла глаза, чувствуя каждую мышцу своего тела так, словно её пропустили через камнедробилку. Но это была сладкая боль напоминая о том, как стираются границы между завоевателем и пленницей.

Мехмед спал рядом, закинув тяжелую руку ей на талию. Во сне его лицо теряло привычную хищную остроту, становясь почти мальчишеским, если бы не тень щетины и шрам от ятагана у ключицы. Даже сейчас, расслабленный, он занимал собой всё пространство огромной кровати, вытесняя воздух своей властью.

Она попыталась выскользнуть из-под его руки, чтобы добраться до ночной вазы, но мышцы отказались слушаться. Мехмед что-то недовольно пробурчал во сне и прижал её к себе крепче, уткнувшись носом в изгиб шеи.

Куда? голос был хриплым спросонья, вибрирующим прямо у неё под ухом.

Воды, выдохнула Евдокия. Горло пересохло, а внизу живота пульсировала приятная тяжесть.

Он открыл один глаз. Темный, затягивающий омут.

Лежи.

Султан поднялся одним текучим движением панцирной змеи. Обнаженный, бронзовый в утреннем свете, он выглядел статуей античного бога войны, сошедшей с пьедестала. Он принес серебряный кувшин и чашу. Сел на край кровати, заставив матрас прогнуться, и поднес воду к её губам.

Его пальцы касались её подбородка бережно, почти благоговейно, контрастируя с грубой жадностью прошлой ночи.

Пей, приказал он мягко.

Когда она осушила чашу, он отставил её и провел костяшкой пальца по линии её скулы.

Ты кричала громче, чем муэдзин на рассвете, усмехнулся он. Уголок его рта приподнялся в самодовольной улыбке собственника. Стены Топкапы слышали твой грех.

Это был не грех, а бунт, парировала Евдокия, пытаясь вернуть себе хотя бы каплю достоинства. Она села, натянув шелковую простыню до подбородка. Ты взял меня силой.

Мехмед наклонился ближе. Тени от ресниц легли на его щеки.

Силой? прошептал он. Маленькая лгунья. Я видел твои зрачки. Они были расширены от наслаждения, когда ты царапала мою спину. Христианские святые так не смотрят на мученичество.

Прежде чем она успела возразить, он рывком притянул её к себе, перекидывая через свои колени лицом вниз. Простыня соскользнула, обнажая бледную кожу спины, покрытую мурашками.

За дерзость нужно платить пошлину, принцесса, пророкотал он.

Ладонь его опустилась на её ягодицу с тяжелым, влажным звуком. Не больно, но униЗИтельно и возбуждающе одновременно. Евдокия вскрикнула, дернувшись.

Тише, он удержал её свободной рукой за основание шеи. Мы только начинаем урок географии твоего тела.

Глава 3. Мёд и лезвие

День тянулся вязко. Евдокию учили правилам дворца: как падать ниц, как подавать кофе, как молчать, пока говорит Султан. Каждая калфа смотрела на неё с плохо скрываемой ненавистью. Она была чужачкой, христианкой, которую Повелитель призвал в постель сразу, минуя годы служения.

Но хуже всего было ожидание.

Она ждала ночи. Ждала скрипа двери. Эта потребность пугала её больше, чем армия султана под стенами города.

Вечером пришел евнух с тазом для омовений. Когда он коснулся её плеча, чтобы помочь встать, Евдокия инстинктивно ударила его ребром ладони по кадыку. Старик захрипел и рухнул на ковры.

В комнату тут же ворвался Мехмед. Он стоял в дверях, одетый лишь в свободные шаровары, держа в руке кубок с вином. Его взгляд оценил сцену: упавший слуга и разъяренная девушка, стоящая в одной полупрозрачной рубашке.

Она посмела поднять руку на моего человека, констатировал Султан. В голосе звучало веселье.

Он... он смотрел на меня! выпалила Евдокия, тяжело дыша. Грудь высоко вздымалась.

Мехмед медленно подошел. От него пахло терпким вином и порохом.

Здесь все будут смотреть на тебя, Кардаш¹. Ты теперь моя фаворитка. Твое тело принадлежит мне, а значит, оно священно. Никто не смеет касаться его без приказа.

Он поставил кубок на столик. Звук стекла прозвучал оглушительно.

А наказание за нападение на моих людей смерть. Или...

Одним движением он разорвал её рубашку сверху донизу. Ткань упала к ногам бесформенной лужей. Евдокия осталась обнаженной перед его пылающим взглядом.

Или публичное покаяние, закончил он.

Он толкнул её назад. Не грубо, но неумолимо, пока её колени не подогнулись, и она не упала на гору подушек.

Мехмед встал над ней на колени. Его глаза потемнели от похоти, челюсти сжались.

Раздвинь их, голос сорвался на рык. Покажи рабу, кому принадлежит этот сад.

Это было жестоко. Демонстративно. Психологическая пытка властью. Но вместо унижения Евдокия почувствовала волну жидкого огня внизу живота. Её заводило то, как легко он превращает её в инструмент своего доминирования.

Она повиновалась, глядя ему прямо в глаза, не моргнув.

Увидев её готовность, Мехмед зарычал. Звериный звук вырвался из самой груди. Он набросился на неё, как голодный волк.

На этот раз не было медленных поцелуев. Только сплетение тел, мокрый звук кожи о кожу и хриплые стоны. Он вошел в неё стоя, прижав спиной к резному столбику балдахина, используя силу тяжести и свой вес, чтобы проникнуть максимально глубоко.

Евдокия обхватила его ногами за талию, скрестив лодыжки на его пояснице, принимая каждый удар с криком чистого восторга. Мир сузился до ритма их соития дикого, первобытного танца двух врагов, решивших уничтожить друг друга в объятиях.

Когда нахлынула разрядка, она была сокрушительной. Евдокия закричала, впиваясь зубами в плечо Султана, чтобы не оглохнуть от собственного голоса. Он последовал за ней секундой позже, заливая её горячее нутро своим семенем, содрогаясь всем телом.

Они сползли на пол, в кучу шелка и соболей. Мехмед лежал на спине, раскинув руки, его грудь ходила ходуном. Евдокия свернулась клубком у него под боком, положив голову на его сердце. Она слышала, как оно замедляет ритм.

Как тебя звали дома? внезапно спросил он в потолок. Вопрос прозвучал так обыденно, будто они обсуждали погоду.

Евдокия замерла. Имя «Евдокия» означало «благоволение». Благоволения больше не было. Осталась только сталь.

Дидона, солгала она, закрывая глаза. Меня звали Дидона².

Мехмед повернул голову. Поцелуй в макушку был неожиданно нежным.

Хорошее имя для царицы пепла, пробормотал он, проваливаясь в сон. Спи, ведьма. Завтра мы едем на охоту. Я хочу посмотреть, как долго ты сможешь держаться в седле после сегодняшней скачки.

Дидона улыбнулась в темноте. Война продолжалась. И кажется, им обоим это нравилось.

—

Примечания автора:

1. Kardaş (Кар-даш) тур. “сестра” или обращение к близкой женщине в гареме, часто используемое Султаном для фавориток.

2. Дидона легендарная царица Карфагена, символ страсти, приведшей к гибели.

Глава 4. Охота на волков

Солнце над пригородами Константинополя висело раскаленным медным диском, выжигая остатки весенней влаги из земли. Воздух пах пылью, конским потом и свободой пьянящий коктейль после душных стен Топкапы.

Евдокия сидела в седле арабского скакуна по кличке Змея. Ноги, всё ещё нывшие после ночи, были плотно прижаты к бокам горячего животного. Мехмед настоял на мужском седле для неё, заявив, что не собирается ловить её, если она выпадет во время галопа. Это была забота тирана: практичная и лишенная сантиментов.

Рядом гарцевали его бёлюки¹ личная гвардия янычар. Триста лучших убийц империи, закованных в сталь, смотрели на полуобнаженную женщину своего Повелителя с суеверным страхом. Она несла запах Султана на своей коже, и это делало её неприкосновенной... и невероятно опасной.

Правила просты, Дидона, Мехмед подъехал ближе на своем вороном гиганте. Его бедро почти касалось её колена. Я выпускаю зверя. Ты должна догнать его и перерезать глотку вот этим.

Он протянул ей кинжал. Рукоять из слоновой кости холодила ладонь, лезвие было широким и тяжелым оружие мясника, а не леди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.